

— Ты никогда не пробовал его раньше, откуда тебе знать, что это нефритовое цистанхе? — удивленно спросил Янь Уши. — Очевидно, это яд.

Хотя Шэнь Цяо получил внутренние травмы и у него едва хватало сил даже на разговор, он все же мог отличить лекарство от яда.

— Нефритовое цистанхе может излечить только внешние травмы... Оно мне не очень поможет...

Одно из ребер Шэнь Цяо было сломано ударом Сюэтина, и теперь каждый вздох сопровождался пронзающей грудь колющей болью, но для практикующих боевые искусства подобные травмы были обычным явлением. Особенно если вспомнить битву Шэнь Цяо против Кунье — количество полученных травм после было тяжело сосчитать, так что едва ли сломанная кость была большим делом. Куда неприятнее была внутренняя травма.

Тогда просто выплюнь его, — почти лениво ответил Янь Уши.

Эта штука уже была проглочена до самого желудка, каким образом он мог ее выплюнуть?

Факты доказывали, что препираться с Янь Уши было абсолютно бесполезно. Шэнь Цяо просто замолчал, а затем погрузился в глубокий сон.

Он спал не очень долго: даже с закрытыми глазами его тело находилось в состоянии полусонной бдительности. Когда он проснулся, было уже за полдень. Оглядевшись, он понял, что Янь Уши исчез.

«Янь Уши ушел один?» — это была первая мысль, пришедшая в голову Шэнь Цяо.

Он не без усилий принял сидячее положение и прислонился спиной к каменной стене, стараясь не задевать свои раны. Влажные виноградные лозы нависали над ним, капли росы падали и стекали по его щекам, оставляя после себя прохладу.

Изначально колющая боль в груди превратилась в тупую. Очевидно, нефритовое цистанхе дало свой эффект. Шэнь Цяо принял позу для медитации и начал циркулировать ци, чтобы исцелиться. Спустя один полный оборот истинная ци потекла по всему телу, вызывая теплое ощущение и покалывание в каждой конечности. В результате даже внутренняя травма, полученная ранее, несколько затянулась.

Как только он открыл глаза, из узкого прохода, ведущего ко входу в пещеру, донесся слабый звук шагов.

Шэнь Цяо не встал, поскольку мог определить личность человека по ритму каждого шага. С тех пор, как его зрение было повреждено, он намеренно тренировал слух до такой степени, что

постепенно смог распознавать тонкие различия в шагах разных людей. С каждым днем его слух становился прилично острее, чем у других практикующих боевые искусства.

Конечно же, это был Янь Уши. Он вошел с связкой воробьев в руке.

— Куда ты выходил?

— Одолжи мне Шаньхэ Тунбэй на секунду, - со вздохом сказал он.

Шэнь Цяо, естественно, не думал, что Янь Уши просит меч, чтобы напасть на него. Он протянул Шаньхэ Тунбэй, который никогда не покидал его тела, и спросил:

— Ты что, столкнулся с Сюэтином снаружи?

Только произнеся это, он увидел, что этот человек попросил его меч, чтобы использовать его в качестве бритвы для перьев воробьев.

— Что ты делаешь?! - закричал Шэнь Цяо.

— Ты предпочитаешь есть воробьев с перьями или вроде того? - Янь Уши казался несколько озадаченным.

Кровь Шэнь Цяо вскипела, и он едва не выплюнул еще один кровавый сгусток.

— Это же Шаньхэ Тунбэй, оставленный мне учителем!

Янь Уши был совершенно спокоен перед лицом ярости Шэнь Цяо.

— А-Цяо, к чему так злиться? Осторожнее, иначе снова начнешь кашлять кровью. Ци Фэнгэ в твоих глазах подобен бессмертному, но, в конце концов, он человек и ему тоже нужно было есть. Может быть, он втайне брился этим мечом за твоей спиной, откуда тебе знать?

Когда он закончил говорить, перья с воробьев были начисто сбриты. Использовать такой длинный и тяжелый меч в качестве кинжала было бы довольно-таки тяжело, но Янь Уши справился с легкостью.

Он окунул меч в ручей, вымыл его от налипших перьев и вложил в ножны, а затем вернул в руки Шэнь Цяо и похлопал его по щеке холодной ладонью.

— Ну, в любом случае, Ци Фэнгэ уже давно мертв, и даже если ты действительно побреешься этим мечом, он не прибежит тебя ругать. Держать меч в сердце, а не в руке — только ты

можешь быть таким ребенком. Посмотри на Юй Ая, я сломал его Цзюнь-цзы Буци, и он, не говоря ни слова, сменил его на новый. Я не видел, чтоб он бежал к могиле Ци Фэнгэ, причитая и плача.

Шэнь Цяо был так зол, что больше не хотел с ним разговаривать. К счастью, ранее он распространил ци по всему телу, иначе действительно снова закашлялся бы кровью.

Янь Уши же, напротив, был в прекрасном настроении. Он нашел сухое место, сложил вместе засохшие листья и ветки, а затем развел костер, чтобы поджарить насаженных на вертел воробьев.

Вскоре после этого аромат жареного мяса наполнил пространство пещеры.

Он повернул голову и посмотрел на Шэнь Цяо. Последний с закрытыми глазами циркулировал ци по телу. Вид его профиля был подобен белому нефриту, приобретающему теплое и нежное сияние под солнечным светом. Бирюзовый воротник робы красиво обхватывал изящный контур шеи. Его холодное и аскетичное безразличие выдавало легкую, почти незаметную теплоту.

Янь Уши повидал в своей жизни бесчисленное множество красивых людей. Среди них не было недостатка в тех, кто был чист и неприкасаем, как цветок, растущий на самых высоких горах; и все же он никогда не видел никого, кто был бы похож на человека перед ним — похожего на бога с закрытыми глазами, но наполненного великой нежностью человечества с открытыми.

Стоило ему подумать об этом, как Шэнь Цяо открыл глаза.

— Как наступит ночь, я вернусь, чтобы проверить старика У и А-Цина.

Янь Уши спокойно снимал каждого воробья с вертела.

— Я уже говорил раньше: Сюэтин должен поддерживать славный образ буддизма, поэтому он не посмеет наложить на них руки. С его появлением существование резиденции стало раскрыто, У Ми и сам знает, как с этим справиться.

От природы он был холодным и отстраненным человеком, который редко принимал близко к сердцу жизни и смерти других людей. По его мнению, поскольку У Ми является членом секты Хуаньюэ, умереть за секту являлось его должной целью. Янь Уши, естественно, не испытывал малейшего сострадания и к А-Цину; однако он очень хорошо знал, каким человеком был Шэнь Цяо. Стоит ему сказать что-то подобное, как тот немедленно вернется, чтобы проверить их.

В прошлом Янь Уши просто холодно наблюдал бы со стороны, но в этот раз, вместо этого, он решил развеять сомнения Шэнь Цяо.

— Знаешь, почему я вернулся с шестью воробьями? - Спросил Янь Уши.

Шэнь Цяо ошеломленно посмотрел на него. Он не понимал, почему Янь Уши вдруг решил спросить его об этом, и подумал, что в этом вопросе есть глубокий смысл. Он слегка склонил голову набок, будто всерьез обдумывая ответ.

Как будто из ниоткуда Янь Уши достал кусок древесной коры и положил на него жаренных воробьев.

Глядя на Шэнь Цяо, он с трудом сдерживал поднимающиеся вверх уголки губ.

На куске коры аккуратно лежало шесть воробьев — один в центре и пять равномерно разложенных вокруг.

— Это блюдо называется «птица в цвету сливы».

«...Он сам придумал такое название?»

— Ты должен съесть того, что посередине, прежде чем сможешь съесть других.

— ...Почему?

— Потому что так будет выглядеть красивее. Если ты начнешь с тех, что по бокам, «цветок сливы» станет неполноценным.

Шэнь Цяо потерял дар речи и заподозрил, что болезнь Янь Уши снова была в разгаре. Он не смог удержаться от нескольких взглядов в его сторону.

Янь Уши взглянул в ответ, улыбнулся ему и мягко сказал:

— А-Цяо, у тебя действительно хватит духу растратить впустую этот мой добрый поступок?

Шэнь Цяо бы никогда не подумал, что получит благодарность от этого человека за то, что он рисковал собственной жизнью, чтобы спасти его. Но благодарность в таком виде... Была слишком странной!

Но, учитывая поведение Янь Уши, Шэнь Цяо подумал, что ему не стоит удивляться, если в следующий раз он сделает что-то вроде «птицы в цвету груши» или «птицы в цвету персика».

В конце концов, некоторым могло быть достаточно скучно, чтобы по размеру расставлять бобы на тарелке во время ужина в гостинице.

Он поколебался мгновение, затем, наконец, взял воробья с середины и откусил от него

кусочек.

За исключением отсутствия соли, вкус был неплох.

— Как твоя рана?

Янь Уши слегка улыбнулся.

— Почему бы тебе не проверить самостоятельно?

Сказав это, он без малейших сомнений протянул руку Шэнь Цяо.

Акупунктурные точки запястья были одними из врат жизни. Не имело значения, насколько высоко боевое мастерство человека, если бы кто-то нацелился на них, нельзя было действовать опрометчиво. Для «Се Лина» сделать подобное было бы обычным делом, но Шэнь Цяо точно знал, что сейчас это был не он.

Он подавил странное чувство в своем сердце, опустил пальцы на запястье Янь Уши и на какое-то время задумался.

— Есть некоторые внутренние повреждения, но они несерьезны, для восстановления хватит пары дней. В горах холодно и сыро, здесь непригодно оставаться. Можно переждать здесь еще несколько дней, но не больше. Каковы твои планы?

— Сначала отправимся в Ханьчжун, - сказал Янь Уши, - затем в Чанъань.

Шэнь Цяо был удивлен. Таким образом они просто пройдутся по кругу.

— Я предполагал, что ты отправишься напрямую в Чанъань. Как только ты войдешь в Чанъань, с силой секты Хуаньюэ и под защитой императора Чжоу, Сюэтин не успел бы снова напасть.

— Если до Сюэтина дошли новости о том, что я жив, даже если другие еще не знают об этом, то определенно узнают спустя несколько дней. Если мы решим поехать в Чанъань, они это предугадают. Отсюда в Чанъань ведет только одна дорога, если пойдем по ней, нам встретится бесчисленное количество препятствий и засад.

Шэнь Цяо вздохнул. Он тоже уже думал об этом вопросе.

— Ты ведь не думал, что целью Сюэтина и остальных являюсь только я? - Янь Уши усмехнулся.

— Их истинная цель, скорее всего, император Чжоу.

— Верно. Я уже говорил об этом однажды. Если буддисты хотят расширить свое влияние, это возможно только с помощью поддержки правителя. В результате они абсолютно не могут запятнать свои руки преступлением цареубийства. В противном случае, даже без Юйвэнь Юна, независимо от того, кто займет трон в будущем, буддистов не поставили бы на важное положение. То же самое относится к Тузцуэ, Объединению Люхэ, секте Фацзин и остальным. Если они сделают что-то подобное, не только их титулы будут незаконно присвоенными, но и в результате они бы сталкивались с неприятностями за неприятностями. Это не так удобно, как если бы кто-то из близких Юйвэнь Юна возложил на него свои руки.

Слова Янь Уши были подобны молнии, освещающей область, которую Шэнь Цяо еще предстояло исследовать.

— Императрица Ашина-ши — человек Тузцуэ!

— Ну что за подающий надежды мальчик, - поддразнил Янь Уши. - Ашина-ши долгое время оставалась в стороне от дел Юйвэнь Юна, так как он ей не доверяет. Естественно, она не против помочь Дуань Вэньяну подлить масла в огонь. Еще есть наследник. Он ненавидит работать и предпочитает развлечения прогрессу. Он понимает, что если не свергнет старика до того, как у него хватит духу лишить его статуса и ударить первым, то, вероятно, останется без титула наследника престола.

Шэнь Цяо был шокирован его словами. Через мгновение он сказал:

— Наследник — его сын. Он бы не стал...

Но едва произнеся половину предложения, он не смог продолжить. Шэнь Цяо подумал о Юй Ае и привязанности, которую он испытывал к нему. Ее не могло быть меньше, чем между императором и наследником, ведь так? И все же он был отравлен «Радостью от встречи» без всякой жалости. Императорские семьи были известны своей жестокостью, и наследник, возможно, сможет совершить отцеубийство.

Янь Уши вздохнул.

— А-Цяо, ты не глуп, просто мягкосердечен, и это то, что тебя ограничивает. Ты почти всегда пытаешься учитывать положительные стороны людей и вещей вокруг себя, поэтому совершенно не способен предвидеть тьму в чужом сердце. Seriously, что бы ты только делал, если бы меня не было рядом?

«Без тебя рядом со мной моя жизнь была бы в сто раз спокойнее!» - едва не выпалил Шэнь Цяо.

Но как он мог сказать подобное? Он был добродушным человеком с благородным характером, поэтому вместо этого он вернул свое внимание к предыдущей теме.

С этими разворачивающимися событиями, происходящее на доске вэйци становилось все более шокирующим с каждой игрой, где каждый ход был последователен и связан.

С Янь Уши произошел подобный инцидент, и теперь секте Хуаньюэ не хватало главы. Две другие демонические секты не могли воспользоваться ситуацией и создавали проблемы секте Хуаньюэ, и Бянь Яньмэй был занят, разбираясь с ними. Он определенно проявил бы небрежность, присматривая за императрицей и наследником — супругой Юйвэнь Юна и его сыном из плоти и крови. Бянь Яньмэй был невероятно искусен, но не мог оставаться рядом с императором каждый час в сутках. Если бы кто-то из них хотел навредить императору, для них все было бы намного проще, чем для мастеров боевых искусств.

Шэнь Цяо дважды кашлянул.

— Тогда что насчет Ханьчжуна?

— Ван царства Ци, Юйвэнь Сянь, проживает в Ханьчжуне, там все еще есть военные силы. Сначала отправимся туда и посмотрим, как обстоят дела, прежде чем отправиться в Чанъань.

Шэнь Цяо понял.

Янь Уши считал, что все планы, касающиеся Юйвэнь Юна, вели к неудаче, поэтому ему нужно было найти другой выход. Сам наследник следовал буддизму и не видел в Хуаньюэ никакой пользы для себя. Янь Уши также смотрел на наследника свысока, именно поэтому предпочел бы заверить в своей поддержке вана Ци, Юйвэнь Сяня. До этого секта Хуаньюэ, должно быть, уже вложила много времени и сил в Юйвэнь Сяня.

Сюэтин верил, что они отправятся в Чанъань; в результате остальные, скорее всего, тоже так подумают. Было очень вероятно, что никто не догадается, что они отправятся в Ханьчжун.

Как у хитрого кролика три норы, так и у хитрого человека больше одного укрытия. В этом вопросе никто не справится лучше, чем Янь Уши.

Ночь в горах, казалось, наступала особенно рано. Солнце уже клонилось к западу, и густая листва поглотила последние лучи света.

Треск дров в пещере окончательно развеял холод весенней ночи.

Шэнь Цяо больше не циркулировал ци, он спал.

В битве с Сюэтином он получил много травм. Даже с истинной ци Стратегии Багрового Яна, защищающей его тело, он оставался всего лишь человеком. Разница между его уровнем и уровнем Сюэтина все еще была довольно велика. Его раны не смогут зажить за день или два, и в эту ночь у него даже поднялась температура; лоб был обжигающе горячим, и он погрузился в

кошмар.

Его сон был гротескен по форме и наполнен причудливыми цветами. Много разных людей появлялись один за другим; Шэнь Цяо так глубоко погрузился в него, что не мог выбраться.

Его ближайший, самый почитаемый учитель держал в руке Шаньхэ Тунбэй, лезвие которого было покрыто птичьими перьями. Он спросил Шэнь Цяо, почему тот использовал меч для бритья птичьих перьев. Шэнь Цяо обиженно ответил:

— Учитель, это сделал Янь Уши.

Ци Фэнгэ взял Шэнь Цяо за подбородок и поднял перед ним меч.

— Присмотрись, что еще на нем есть?

Шэнь Цяо ошеломленно взглянул и обнаружил, что корпус меча был покрыт темными волосами. Он сразу же выпалил:

— Учитель, вы действительно использовали Шаньхэ Тунбэй, чтобы побрить свое лицо?

— Чушь! - сердито прикрикнул Ци Фэнгэ. - Очевидно, ты игрался с мечом, который дал тебе твой учитель, и даже зашел так далеко, что обвинил в этом другого человека! Только вчера я научил тебя слову «честность», а сегодня ты сознательно совершил подобное! Определенно, ты заслужил наказания!

— Этот ученик признает, что был неправ! - Шэнь Цяо был застигнут врасплох и неосознанно закричал.

Но Ци Фэнгэ, казалось, не слышал его признания своей ошибки, потому приказал ему лечь, а затем взял большой камень и положил на него сверху.

— Если осознаешь, что поступил неправильно, то должен быть наказан. Ты останешься здесь. Тебе не разрешено вставать без указания учителя.

Шэнь Цяо не знал, как его учитель смог придумать такой странный метод наказания. Он мог только чувствовать, что его грудь сильно сдавило и наполнило такой болью от тяжести, что он едва мог дышать. Он не мог не молить о пощаде:

— Учитель, пожалуйста, уберите камень!

Однако Ци Фэнгэ пропустил его мольбы мимо ушей. Он развернулся и ушел, постепенно

удаляясь все дальше и дальше, пока не исчез без следа.

— Этот ученик ошибся... Пожалуйста, учитель, не уходите...

Глаза Шэнь Цяо были закрыты, брови плотно сдвинуты.

— У меня так сильно болит в груди...

Янь Уши проснулся от его бормотания. Он сел рядом с ним и присмотрелся. В свете костра он мог видеть заплаканное лицо другого мужчины. Подумать только, он действительно плакал из-за своего сна.

Янь Уши протянул руку, чтобы смахнуть его слезы. Они оставили его пальцы влажными. Он думал, что в этих слезах будет какое-то остаточное тепло, но вместо этого они были поразительно холодными.

Такого человека, должно быть, осыпали любовью и обожанием в детстве, иначе как у него могло развиться такое доброе и мягкое сердце, когда он вырос.

Янь Уши прислушался, но никак не мог понять, что снится человеку перед ним, пока тот вдруг не пробормотал два слова:

— Се Лин...

Эти слова поразили его. Внезапно его захлестнула волна странной безжалостности, как будто маска внезапно была сорвана.

И, с невероятной скоростью, на его лице отразились десятки эмоций — жестокость, отчуждение, нежность, как будто тысячи лиц одновременно боролись друг с другом, чтобы взять над собой контроль. Это зрелище могло заставить дрожать от страха.

Его истинная ци хаотично сбивалась и ускорялась, как случалось бесчисленное количество раз, когда прежде его личности сменялись. Янь Уши резко закрыл глаза!

Спустя долгое время они открылись вновь. Его рука осторожно огладила щеку Шэнь Цяо и скользнула на затылок, слегка приподнимая голову. Затем он склонился, чтобы сдержать поток невнятного бормотания, поглощая губами каждое слово.

<http://bllate.org/book/14532/1287372>